
Мигелито Эль Паломо. Повар, мадре и карналитас
Александр Бережной

Александр Бережной

Мигелито Эль Паломо. Повар, мадре и карналитас

https://litres.ru/74828598
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир сложен.

Сложны и люди его населяющие.

Но так ли это важно: знать и понимать всю эту сложность, если сердце твоё видит суть вещей, скрытую от иных той сложностью?

Как ребенок может не знать, как или чем накормить себя, но ему знакомо чувство голода, так и взрослый человек стремится к справедливости, даже если сам не может дать определения этому слову.

Александр Бережной
Мигелито Эль Паломо. Повар, мадре и карналитас

- Не пей пульке, Хефе. Он для Веро. Веро ругаться будет. Она всегда ругается, особенно если с утра выпить нечего.

Хефе не стал слушать.

Ругаться стал.

Обещал ещё раз палкой побить, если я не умолкну.

Умолк.

Кому ж охота, чтобы его побили?

Но глядеть осуждающего не перестал на Хефе.

Злой он, этот Хефе.

Хефе почему-то всегда злые.

И пахнут кисло, как молоко, которое долго стояло на солнце.

Абарротеро тоже злой был.

Бывают добрые, а этот злой был.

У него целая лавка.

Товары горой лежат, а рядом детишки.

Он их гоняет.

Не делится.

А Веро всегда говорит – надо делиться, сама она не делит-

ся и очень злится, если берут, то что её, но всегда говорит так: «Надо делиться, хермано».

И все с ней всегда делятся.

Наверное, это потому что Веро известная у нас.

Все её ищут.

Только она не хочет, чтобы её кто-то нашёл, поэтому за пульке меня посылает.

Я вот и поделился, с детишками, как Веро учила.

Говорю этому Абарротеро: «Делиться надо, хермано».

И беру у него с лотка вкусняшки, детишкам протягиваю.

Детишки довольные.

А Абарротеро почему-то ругаться начал.

Побить меня хотел, да упал.

Толстенький он. Неуклюжий.

А вот делился бы с людьми, не был бы толстый и не упал бы.

Я ему это сказал, а он кричать пуще прежнего.

На крик Хефе прибежал, бить меня палкой своей стал.

Больно так, а потом поволок меня в комнату с решётками.

Посадил.

Бутылку с пульке отобрал.

Хлещет довольный.

Не верит, что Веро ругаться будет, а у самого вон картинка с ней на стене.

И награда.

Люди деньги платить готовы, чтобы с Веро встретиться.

Такая она известная.

В общем, всё у меня как обычно вышло, - неправильно.

Вон Веро, когда просит, так ей всегда всё дают.

Весело с ней.

Когда я с ней все всегда вежливые. Добрые.

В банк заходишь – денежки тебе тут же тащат в мешках.

На асьенду заглянули – еды всякой дали, долговые расписки. Когда эти расписки горят, так люди всегда радуются.

В поезде едешь – часы, кошельки отдают.

Всё отдают.

Штаны вот у меня протёрлись.

Она и говорит: «Не боись, Паломо, будут тебе штаны».

И раз! Уже добрый человек мне штаны свои отдал.

Я сперва брать не хотел.

Его ж штаны.

Как он без штанов?

Но он меня упросил.

Так что штаны у меня красивые.

Новые. Ну почти.

Посидел я, совсем недолго, даже скучать ещё не начал, а там слышу рык знакомый: наши на Росинанте за мной мчатся.

Рык у него не злой, а как будто большой зверь отряхивается после сна – тепло и громко.

Почуял Хефе, что дело неладно, бутылку в сторону отодвинул, а револьвер наоборот придвинул.

Остановился Росинант у двери открытой.

Жемчужными боками сверкает.

Чабела из-за руля ручкой машет.

Я ей тоже помахал.

Веро вышла.

Сердитая.

Молча подошла к Хефе.

Бутылку со стола взяла.

Жадно так пить стала, что за один присест и выпила, а там ещё половина или больше оставалась.

- Хермано, ну чего ты моего товарища в клетку посадил, как какого-то попугая, а он же у нас не попугай, а голубь. Так, Паломо?

- Так. – киваю я.

Голубь птица вольная.

Как я.

Хефе тоже кивает.

Револьвер свой старый отдаёт, меня выпускает, сам за решётку заходит, закрыть просит.

За доброту благодарит.

Садимся в Росинанта, внутри у него места много.

Просторно.

- Раз приехали, надо запасы пополнить… - говорит Чабела.

Веро не хочет, но соглашается.

Едем за припасами.

Абарротеро, как Веро завидел, так руками замахал, берите говорит всё, что хотите.

Всё брать не стали.

Только то, что нужно.

Остальное – людям раздали.

Абарротеро денег не взял, а дал и ещё спасибо сказал.

Вот я ж говорю: когда Веро рядом, так все тогда добрые, вежливые.

Это я её и говорю, мол, как так?

Я ж теже слова говорил, а меня – бить.

- Запомни, Паломо, при помощи пистолета и доброго слова можно добиться гораздо больше, чем при помощи одного лишь доброго слова.

Умная она наша Вероника Ла Чапа.

Кармен так ей иногда и говорил, мол, умная ты больно, тебе череп мозгу не жмёт?

Вернулись мы к нашим.

Мадре как всегда спрашивать стала: всё ли у меня в порядке.

Соврал, что всё хорошо, что не били даже, а то она всегда огорчается, когда узнаёт, что меня били. Особенно если по голове.

Мадре у нас слепая.

Ей легко врать.

Главное, чтобы Бланки рядом не была.

Она всегда подзатыльник за враньё даёт и заставляет правду рассказывать.

Бланка сердитая.

Всегда.

Череп на лице намалевала.

Калаверу.

И никаких тебе узоров, бархатцев.

Просто череп.

Страшный.

Ходит такая со своей шпагой, с Кармен постоянно спорит.

Веро и Чабела тоже постоянно спорят, но иначе.

Мадре тоже бывает спорит.

Один я ни с кем не спорю.

Чего мне спорить?

Я тут главный.

Говорю:

- Завтрак.

Все идут на завтрак.

Говорю:

- Ужин.

Все ужинать садятся.

А скажу, что бобы или мясо закончилось, так либо денег дадут, либо повезут за провизией.

Вот и выходит, что главней меня в отряде нашем и нет никого.

Потому как повар я.

Единственный в своём роде.

В других отрядах повара – женщины, Косинеры. На вид грубые, крикливые, но добрые.

А я такой один.

Повар я.

Взял фасоль, хорошую, чёрную, замоченную ещё с вчера.

Бросил в котёл.

Она стукается о дно – тук-тук, тихо, как дождь по крыше.

Воды.

Пусть кипит.

А пока взял мясо. Солёное.

Порезал крупно.

Лук. Чеснок. Чили.

Глаза щиплет, но это хорошее щипанье, как когда смеёшься до слёз.

Всё в котёл.

Соль – щепотку.

Попробовал.

Ещё щепотку.

Попробовал.

Хорошо.

Муки не было почти совсем, а теперь есть – Абарротеро дал.

Мука – в чашку. Вода. Соль.

Тесто мешу долго.

Плоский глиняный круг, комаль, уже горячий.

Кладу тесто. Прижимаю.

Жду.

Переворачиваю.

Жду.

Снимаю. Под тряпку. Чтобы не остыли.

И так пока тесто не закончится.

А там уже и фасоль совсем мягкой стала.

Достал чашки.

Разлил похлёбку по ним, тортильи в миске, чтоб каждый мог взять сколько хочет.

- Завтрак. – говорю.

И сразу видно – главный я: перестали Бланка с Кармен спорить.

Подошли все, есть со мной стали.

А потом, пока я всё убирал да мыл, собираться начали – опять в дорогу.

Нельзя нам больше тут быть, а то нас Федералес найдут.

Росинант несётся нас по льяно, равнине.

Не быстро.

Росинант тяжёлый и большой, как грузовик.

Прерией любуешься.

Не едешь. Плывёшь.

Как на большой лодке.

Мадре не видит ничего, поэтому рассказываю для неё.

За окном изредка проплывают кустарники, ещё реже деревца.

Вон – агавы. Из них пульке делают, что Веро любит пить. И мескаль. И текилу. Но Веро любит только пульке: мутный, белёсый, похожий на разбавленное молоко, пахнущий дрожжами, хлебом и агавой, из которого его делают.

Я пробовал – кислый, невкусный.

Остальные наши та же считают.

Гадость.

- Чабела, не хочешь горло промочить? Пульке. Напиток тех, кто работает. Пей, карналита. Или всё носом воротишь от вкусов простого народа?

- Пить с народом – не то же самое, что понимать народ, карналита.

- Это я значит народ не понимаю? Я и есть народ! И ты мне говоришь, что я «не понимаю народ»? Я тебя, карналита, правильно поняла?

- Я говорю о том, что мне необязательно пить твою дрянь,

чтобы быть с народом.

- Брезгуешь.
- Нет.
- Брезгуешь.
- Нет.
- Бре-е-е-е-з-гу-ешь.
- Нет.
- Тогда пей, карналита. Пе-е-е-ей.
- Я за рулём.
- А ну дай сюда руль, а вот тебе бутылка. Пей.
- Фу… ну и дрянь…
- Народный вкус, карналита. Пора бы уже привыкнуть.
- Подожди… это что там муха плавает?..
- Одна? Я вроде две туда кинула…
- Всё… меня сейчас вырвет…

Весело с Веро.

Не зря её все разыскивают.

Тоже видно хотят, чтоб у них весело стало.

Темнеет, значит, скоро будем на ночёвку останавливаться, и я стану ужин готовить.

Набрал водички.

Поставил на огонь.

Овощи почистил-порезал.

Мяса настрогал.

Для запаха и вкуса.

Ссыпал всё в котёл.

Соль – щепотку.

Попробовал.

Ещё щепотку.

Попробовал.

Хорошо.

Достал муку.

Муки у нас много.

И у людей тоже теперь муки много – всё, что было в лавке у Абарротеро забрали.

Не всё.

Веро небольшой мешочек оставила.

«Мы ж не грабители». – так она сказала.

Нет, мы не грабители.

Грабители ведь – плохие, а мы – хорошие.

Нам – всегда рады.

Обнимают, хвалят.

Мне нравится, когда обнимают, когда хвалят.

Правда, если мы у людей надолго останавливаемся, то завтрак и ужин не я готовлю.

Я пытался раньше помогать, но перестал: люди грустнеют, когда я им помогаю, какого-то Бендито вспоминают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.